

сического выражения глагола «иметь» (в алтайских, тюркских, финно-угорских, классическом грузинском, в некоторых африканских и в других языках) (А. Мейе). Например, азерб. *məndə bu kitab var* букв. «у меня эта книга есть», т. е. «я имею эту книгу», финск. *Hänellä on uusi kirja* букв. «у нее есть новая книга», т. е. «у нее новая книга». В индоевропейских языках образование лексемы «иметь» произошло довольно поздно. В большой мере об этом свидетельствуют данные бриттских кельтских языков, в которых в аналитических образованиях используется исключительно глагол «быть» [6, с. 354].

Это явление находит типологическую параллель в неиндоевропейских языках Европы. Так же, например, образуются аналитические конструкции в финно-угорских языках, в которых, как было отмечено, отсутствует лексема «иметь». Например, финск. *Minä ollen (olla «быть») nähtyt tämän filmin* «я видел этот фильм». Эти языки, возможно, оказали субстратное влияние на русский язык, в котором «быть» и «иметь» совпадают в парадигме: *у меня есть*, т. е. *я имею* (неопр. форма «иметь»), а также диалектальное аналитическое образование типа *моя дочь была заболела* = лит. *моя дочь болела (тогда заболела)*. В аналитических конструкциях болгарского языка также используется только один глагол «быть»: *бях писал* (плюсквамперфект глагола «писать»).

Как недавно было еще раз отмечено Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Ивановым, отсутствие глагола «иметь» для выражения посессивных отношений является одной из характерных черт языков активной типологии, которая постулируется как предшественница и для индоевропейской семьи. Здесь также употребляются описательные конструкции с глаголом «быть» [7, с. 15]. У большинства глаголов греко-арийской группы транзитивное значение презенса выступает как вторичное, а перфект сохраняет исходное непереходное значение, соответствующее глагольному корню [8, с. 80]. Не исключено, следовательно, что более позднее употребление в аналитических конструкциях глагола с семантикой «иметь» появилось в некоторых языках по аналогии с употреблением «быть» как следствие исторического равенства «быть» = «иметь» («быть у кого-то»).

Эта исходная нерасчлененность функций глаголов «быть» и «иметь», на наш взгляд, находит подтверждение на примере языка басков, в котором одна форма глагола *izan* покрывает два значения — быть и иметь, формально выступая при этом то как переходная, то как непереходная, что объясняется эргативным характером баскского глагола (Г. А. Климов, Ю. В. Зыцарь, Г. Бреттшнайдер, Р. Л. Траск и др.). При рассмотрении форм непереходного и переходного *izan* в настоящем времени изъявительного наклонения, отбросив местоименные префиксы, можно легко выделить общие для обеих парадигм корневые гласные, которые могли бы на морфологическом уровне свидетельствовать о содержащейся в нем в прошлом нерасчлененности значения «быть = быть у кого-то = иметь» [9, с. 45]. Эта точка зрения, конечно, не является оригинальной. Мнение о том, что *det* «это есть у меня» является модификацией *paiz* «я есть», было высказано еще в 1958 г. аббатом Инчауспе. То же, рассматривая противопоставление *da* «он есть» — *duk* «он есть тебе», отмечает Э. Леви, проводя типологическую параллель с латынью [10, с. 532]. Своеобразное подтверждение этому находит Х. Вагнер, указывающий на существование в бискайском диалекте баскского языка формы *euan* «он имел это» (от *ukan* «иметь»), которая отличается от других диалектных форм тем, что не содержит местоименных префиксов (ср. *zuen* в Гипускоа, Наварре и в других районах Басконии), что является, по его мнению, реликтом протобаскской глагольной системы. Появление показателей объекта привело к дихотомии переходного и непереходного глагола в баскском, которая и является одной из основных характеристик языков эргативного строя [11, с. 56]. Общее происхождение баскских *izan* и *euki* отмечалось также и А. Товар [12, с. 63].